

— Эти годы... должны были быть для тебя невыносимо тяжёлыми, — внезапно промолвил Цзян Синчжи, и в его голосе, обычно ровном, как ледяная гладь озера под полуденным солнцем, прозвучала едва уловимая, как трещина в хрустале, но достаточная, чтобы заставить воздух замереть нота. Он не смотрел на собеседника, взгляд его был направлен в пустоту за окном, где тусклый свет дня цеплялся за края крыш, будто боясь окончательно уйти. Но слова его, мягкие, почти заботливые, повисли между ними, как дым благовоний — сладкий, обволакивающий, но опасный: слишком легко вдохнуть — и потерять голову.

В Трёх Мирах, где ци истончилась до нити, где каждый вдох давался с трудом, а меридианы жаждали даже капли энергии, как иссохшая земля - дождя, достичь этого уровня культивации значило пройти сквозь ад, выкованный из одиночества, голода и безмолвного отчаяния. Это было не восхождение - это было выживание. Каждый шаг - над пропастью. Каждый вздох, как вызов небесам.

Бровь Чжун Мина едва заметно, как колыхание тени под порывом ветра, дрогнула. Его инстинкты, закалённые годами, когда доверие означало смерть, а сострадание - ловушку, мгновенно напряглись. Не надо. Не сейчас. Не от него.

— Ничего, — пробормотал он, опуская глаза, будто изучая трещину на полу, — я привык.

Половина тех мук, что прожгли его плоть и душу, исходила от человека, стоявшего перед ним. От того, кто теперь смотрел в окно с видом скорбящего ангела. От того, чья милость приходила и уходила, как весенний дождь - столь же красивый, и совершенно бесполезный для тех, кто не пережил зиму.

И, словно услышав его мысли, Цзян Синчжи быстро, легко, как будто только что отпустил нить, связывающую их, отвернулся.

Голосом, лишённым тепла, но и без жестокости, будто просто говорил: «Дождь идёт», он дважды повторил: «Не следуй за мной», и, не дожидаясь ответа, направился к входу в ломбард, его плащ мягко шелестел, касаясь пола, как крыло птицы, готовящейся к взлёту.

Миновав высокую ширму у входа, он оказался внутри. Зал был узок, окна - малы и высоко, так что свет проникал лишь робкими лучами, едва касаясь пола, покрытого слоем пыли и следов неведомых посетителей. Воздух пах старым деревом, чернилами и запахом денег, хранимых слишком долго. Клиентов не было. Лишь несколько клерков, склонившихся над свитками, да хозяин в длинном халате, за высокой стойкой, перебирающий страницы учётной книги пальцами, привыкшими считать не только цифры, но и судьбы.

Цзян Синчжи бросил мимолётный взгляд. Хозяин был культиватором ступени Основания. Низко. Очень низко. Для него - почти насекомое.

Хозяин, услышав шаги, поднял глаза. Его взгляд скользнул по простой, но безупречной, без украшений одежде Цзян Синчжи, но посетитель обладал такой выправкой, что было сразу ясно, что перед ним не нищий, не беглец, а тот, кто привык, чтобы ему кланялись. В глубине

глаз хозяина мелькнул алчный, осторожный, расчётливый огонёк .

— Чем могу служить, господин? Что желаете заложить?

Цзян Синчжи подошёл к стойке, не спеша, как будто у него впереди вечность. Рука скользнула к кожаному мешочку у пояса, откуда он извлёк набор нефритовых колец, соединённых в девять звеньев. Теперь они были разъединены, каждое кольцо отдельно, но всё ещё дышащее единой силой. Чёрный нефрит, гладкий, как ледяная вода, полупрозрачный, с глубиной, в которой тонули лучи света, стоило одного взгляда, чтобы понять: это не украшение. Это - сокровище.

Дыхание хозяина участилось. Пальцы сами потянулись вперёд , чтобы взять, ощупать, оценить. Но Цзян Синчжи, едва позволив кольцам коснуться дерева, мягко, почти нежно, вернул их в ладонь, улыбаясь чисто, тепло, как весеннее солнце после метели.

— Не торопитесь, — произнёс он, и в этой улыбке не было ни капли иронии — только свет, обманчиво-добрый. — У меня есть маленькое предложение.

Хозяин, с трудом оторвав взгляд от его кулака, где покоились кольца, сглотнул.

— Какое предложение?

— Я хочу заложить сначала самое маленькое кольцо. До того, как я приду заложить следующее, вы можете передать его кому угодно - в залог, в аренду, в дар. Разницу в цене между тем, что вы получите от третьих лиц, и тем, что вы мне выплатите, вы покроете деньгами от предыдущего кольца. Справедливо?

Он хочет заложить целый комплект по частям?

Хозяин на миг замер, задумавшись. Нефрит останется нефритом. Чем выше цена, по которой он его «продаст» другим, тем меньше ему придётся доплачивать самому. Бизнес без риска. Прибыль гарантирована. А ещё...

Он снова взглянул на Цзян Синчжи — юноша, лет двадцати с небольшим, один, без явной ауры культивации (или настолько скрытой, что её не различить), в одежде, которая хоть и дорогая, но уже немного поношенная. Вероятно — сын знатного рода, сбежавший из дома, растративший карманные деньги, и теперь вынужденный заложить семейную реликвию ради дорожных расходов.

Какая же удача. Жирная овца сама пришла на бойню.

Улыбка растянула его губы.

— Если господину так угодно, — сказал он, и тут же крикнул клерку: «Перо! Бумагу! Быстро!»

Цзян Синчжи благостно кивнул, будто благословляя сделку.

— То, что хорошо для всех, — поистине хорошо.

«.....»

Чернила легли на бумагу. Договор был подписан. Остальные кольца Цзян Синчжи вернул в мешочек у пояса, а дюжину духовных камней, что получил, спрятал в рукав, где они мягко звякнули, как монеты в кармане нищего богача. Он развернулся к выходу.

— Приду в следующий раз.

Хозяин, взгляд которого прилип к его поясному мешочку, как муха к мёду, не удержался:

— А когда — следующий раз?

Цзян Синчжи уже проходил мимо ширмы. Его стройный, невозмутимый, облачённый в свет, струющийся сквозь резные узоры силуэт, медленно растворялся в ярком свете за порогом, будто переходил из мира реального в мир призрачный.

— Естественно, — донёсся его лёгкий, как шелест снега, голос, — когда деньги кончатся.

«.....»

***

Выйдя из ломбарда и вернувшись на оживлённый перекрёсток улицы, он увидел, как прислонившийся к косяку мужчина выпрямился и направился к нему:

— Дела закончены? — Спросил Чжун Мина, стоило ему только переступить порог.

Духовные камни в рукаве издавали глухой перезвон, красноречивее любых слов. Сделав шаг в поток движущейся толпы, Цзян Синчжи услышал следующий вопрос:

— Куда теперь?

Он бросил на мужчину глубокий взгляд.

Он и впрямь решил на столько в наглую прилипнуть к нему?

— Послушайте, господин... — начал он, но внезапно изменился в лице, ощутив, как позади них, крадучись, проскользнули три тени. — не желаете ли прогуляться у реки? — Мгновенно изменив интонацию закончил Цзян Синчжи.

Чжун Мин уловил эту перемену в его выражении лица.

— С превеликим удовольствием. — Изгонув губы, тихо произнёс он.

В Сюньяне был канал для перевозки грузов, что тянулся вдоль северной городской стены. Там редко кто ходил. Самое пустынное место в городе.

Улица у берега была тихой и пустой. Цзян Синчжи шёл медленно, шаги шуршали по сухой земле — ша-ша, ша-ша.

Рядом шествовал высокий и широкоплечий Чжун Мин. Его тень, сжатая под ногами, казалась слишком малой для такого стана.

Они шли все дальше уходя от торгового квартала. Преследователи не отставали, по-прежнему держа дистанцию.

Цзян Синчжи бросил взгляд на улицу, уходящую всё дальше от центра города. Потом задумчиво посмотрев на напряженного спутника, он вдруг опустил руку на крепкий пояс Чжун Мина.

Холодок просочился сквозь тонкую ткань. Шаги Чжун Мина замерли. Сердце на миг зависло в груди. А затем тонкие пальцы не сильно сжали кожу у поясницы.

— Мм! — глухой стон вырвался у него. Вся напряжённость рассыпалась, как пепел.

Он обернулся, чтобы взглянуть на нарушителя, но Цзян Синчжи уже отстранился, будто ничего и не было.

— Господин, — сказал тот спокойно, — вы сейчас выглядите так, словно готовы разнести всех вокруг. Кто бы посмел подойти к нам при таком-то виде.

— .....

Чжун Мин сжав тонкие губы, снова глянул вперёд. Место, где его ущипнули, не болело, но оставалось странно тёплым.

Жест нельзя было назвать интимным. И всё же - это был первый раз, когда они вели себя друг с другом настолько легко, свободно... почти по-человечески. Как же абсурдно, что это стало возможным лишь потому, что теперь он не «Сяньцзюнь Сюй Цзянь», а просто «незнакомец».

Рука, висевшая вдоль тела, сжалась в кулак. Нет, он никогда не должен позволить Цзян Синчжи узнать...

Они шли вдоль канала, как два обычных человека, стараясь создать видимость беззащитности и спокойствия. И вот наконец, после недолгого ожидания, позади раздались быстрые, нетерпеливые шаги.

— Стой! — Прорезал воздух резкий окрик.

В одно мгновение Цзян Синчжи с Чжун Мином оказались в кольце трёх культиваторов стадии Основания.

Все трое были в бамбуковых шляпах, скрывая лица. От них исходила сила уровня поздней стадии формирования основания, которой они самоуверенно пытались испугать. Плотный, коренастый Главарь уставился на поясную сумку Цзян Синчжи:

— Отдайте всё ценное!

Но стоило ему заговорить, и он тут же заметил, что жертва... улыбается.

Цзян Синчжи был погружён в новое, диковинное ощущение.

Его еще никогда в жизни не грабили. Это было так волнующе!

— Вы разбойники? За деньгами или за красотой пришли? — Расплываясь в улыбке спросил он — Или за обоим сразу?

Лицо Чжун Мина мгновенно похолодело.

Трое бандитов переглянувшись растерялись.

— Да прекрати нести чушь! Конечно, за деньгами, ты — Оскорбленный таким непристойным предположением, взревел главарь, но тут же замолк, стоило его глазам несколько раз скользнуть по изящному, прекрасному лицу Цзян Синчжи. — Хех, с такой рожей...— презрительно фыркнул он — если сам ноги раздвинешь, этот господин, может быть...

Он не договорил.

Из ниоткуда обрушился ледяной холод. Улица оказалась скована им мгновенно. Даже Цзян Синчжи почувствовал, как мурашки побежали по спине, от удушающего, беспощадного намерения убивать.

— А-а-а! — главарь вдруг схватился за горло, закашлялся, будто невидимая рука сжимает его трахею.

Двое других не успев понять что происходит, рухнули наземь, как мешки, и потеряли сознание.

Тишина повисла над берегом. Канал будто перестал течь. Летняя трава у воды покрылась инеем.

Цзян Синчжи медленно повернулся к спутнику.

Только сейчас он увидел, что лицо Чжун Мина помрачнело, став чернее ночи, а в глазах горела убийственная ярость.

— Ты... — Остолбенел от увиденного Цзян Синчжи.

Чжун Мин смотрел на эти тонкие брови, на эти красивые глаза и в груди его с новой силой взорвалась злоба.

— Что за чушь ты только что нес? — Скрепя зубами процедил он.

<http://bllate.org/book/15487/1373242>